

Парни-натуралы в таком возрасте категорически не любят, когда их называют милыми.

Впрочем, понять их можно.

— Но теперь я считаю, что «милый» — это похвала высшей пробы для мужчины, — Гу Цзицин вновь спрятал руки в карманы и чуть склонил голову набок. Он произнёс это так легко и небрежно, словно обронил обычную житейскую мелочь, вот только взгляд его оставался искренним и глубоким.

У Чжоу Цыбай и без того пылали уши, а тут он и вовсе обомлел:

«...»

Кажется, в последнее время у него начались проблемы с сердцем.

Первым делом, едва его довели до комнаты и усадили, Чжоу Цыбай выудил из кармана телефон и судорожно вбил в поиск Байду: * «Что значит, если парень постоянно говорит другому парню, что тот милый?»*

Ответ не заставил себя ждать: * «Комплимент „милый“ — высшая похвала для мужчины. Если этот парень гей, то поздравляем: ты ему совершенно точно нравишься».*

Высшая похвала.

Совершенно точно нравится.

Чжоу Цыбай обомлел.

— Ты чего? — невзначай поинтересовался Гу Цзицин, расставив на столе контейнеры с едой. Заметил, что Чжоу Цыбай сидит напротив с телефоном в руках, поджав губы, с пылающими ушами, и витает где-то далеко.

Цыбай вздрогнул, будто его застали за чем-то непристойным, опомнился и торопливо спрятал гаджет в карман:

— Да так, ничего.

Но не успел он опустить руку, как телефон снова завибрировал.

Пришлось достать его обратно.

В общем чате общежития Лу Пин исходил капслоком и восклицательными знаками:

****[Мать твою!!! Четвёртый!!! Ты серьёзно?! Не прошло и дня, а ты уже устраиваешь сцены ревности из-за Гу Цзицина??]****

«Что за бред собачий», — сдвинул брови Чжоу Цыбай. Именно эта мысль всплывала у него в голове всякий раз, когда он читал опусы Лу Пина.

А тот уже скинул в чат фотографию:

****[Ты с какого перепугу с Хэ Чанчжи сцепился?!]****

На снимке Чжоу Цыбай заслонял собой Гу Цзицина и с ледяным равнодушием отталкивал Хэ Чанчжи, а тот, сжав кулаки, снизу вверх яростно уставился на соперника.

Хоть снято было исподтишка да ещё и ночью, отчего лица слегка размыло, напряжение между двумя парнями ощущалось практически физически.

А уж с учётом того, что за спиной Цыбая маячил Гу Цзицин — чьи утончённые черты даже на смазанном кадре врезались в память, — картина и впрямь выходила весьма однозначной.

Вот только на деле всё было вообще не так!

И как только фантазии хватает такое выдумать?!

Чжоу Цыбаю не хотелось спорить с обладателем столь извилистой логики, поэтому он с ходу спросил:

****[Откуда фото?]****

Лу Пин ответил мгновенно:

****[Из нашего анонимного курсача.]****

И тут же добавил:

****[Вообще уродство какое-то. Прекрасно ведь знают, что Цзянь Лин тоже в группе сидит! Сливают такое, даже не думая, каково бедной девчонке на всё это смотреть.]****

Чжоу Цыбай набрал:

[Цзянь Лин?]

[Вскрикнешь, если увидишь несправедливость]: Ну да, девушка Хэ Чанчжи.

[Вскрикнешь, если увидишь несправедливость]: Ой, пардон, теперь уже бывшая.

**[Вскрикнешь, если увидишь несправедливость]: Понятно, что Хэ Чанчжи признался Гу Цзицину уже после разрыва. Но ты представь: не прошло и месяца после расставания, как твой бывший катится по наклону, признаётся в любви парню, да ещё и устраивает из-за него мордобой! Каково это девчонке видеть?*

**[Вскрикнешь, если увидишь несправедливость]: Так что этот Гу Цзицин, влезающий в чужие отношения, — человек сомнительной морали. Каким бы красавчиком он ни был, связываться с ним нельзя!*

С чего вдруг сомнительной?!

Чжоу Цыбай хмуро отчеканил, даже не задумавшись:

**[Не знаешь подоплёки — не мели чушь.]*

Лу Пин отозвался в ту же секунду:

[То есть ты хочешь сказать, что знаешь правду?]

Чжоу Цыбай онемел.

Да черта с два он знал!

Из разговора Цзицина и Хэ Чанчжи он уловил от силы пару финальных фраз. Единственное, что он понял наверняка: Хэ Чанчжи действительно сохнет по Гу Цзицину и представляет собой редкую дрянь. Больше ему не было известно ровным счётом ничего.

Тут из молчаливого небытия всплыл Чэнь Цзи:

**[Как бы там ни было на самом деле, Гу Цзицин знал, что у Хэ Чанчжи есть девушка, но всё равно вмешался в их отношения. И это неопровержимый факт.]*

Чжоу Цыбай вновь отрезал, не раздумывая:

****[С чего ты взял, что он знал?]****

Чэнь Цзи парировал сразу же:

****[Да естественно знал! Он же сам припёрся к Цзянь Лин и что-то ей наплёл, после чего они с Хэ Чанчжи окончательно разбежались. Это ли не намеренное разрушение чужой пары?]****

Чжоу Цыбай с тёмным от злости лицом напечатал:

****[Ты сам это видел?]****

Чэнь Цзи потерял дар речи. Ему показалось, что Чжоу Цыбай сегодня просто цепляется к словам.

****[Цзи Чэнь]:** Ладно, допустим. Положим, всё это наветы, и Гу Цзицина оклеветали. Но почему он за всё это время ни разу даже не попытался оправдаться? Он что, реально святой небожитель, которому плевать на мирскую суету?*

Повисла короткая пауза.

Чжоу Цыбай оставался бесстрастен:

****[Они сами со всем разберутся. Нечего уподобляться базарным бабам и перемывать людям кости.]****

Отправив сообщение, он мрачно заблокировал экран, швырнул телефон на стол и взялся за палочки.

Уловив перемену в его настроении, Гу Цзицин выудил из термоса самый аппетитный кусочек свиных рёбрышек и мягко спросил:

— Кто-то написал что-то не то?

Чжоу Цыбай на миг замер, взял себя в руки и глухо буркнул:

— Нет.

И тут же неосознанно поджал губы.

«Врёт», — понял Цзицин.

В общем-то, Гу Цзицину было плевать на чужие сплетни и пересуды, однако ради общего комфорта он, слегка пошевелив рёбрышко в пиале, тихо заметил:

— Если тебя что-то беспокоит, лучше высказать всё напрямую. Так любые проблемы решаются быстрее, да и лишних недопониманий удастся избежать.

Цзицин говорил мягко и совершенно безразлично — казалось, эта тема волновала его куда меньше, чем лакомый кусочек мяса перед ним.

Изначально Чжоу Цыбай вовсе не собирался расспрашивать: влезать в чужую личную жизнь казалось ему верхом бестактности, да и к подобным слухам он всегда питал глубокое отвращение.

Однако по какой-то неведомой причине, стоит в центре сплетни оказаться Гу Цзицину, как вопрос переходит в категорию вполне допустимых.

В конце концов, прояснить недоразумение — лучшее решение. Иначе, когда вернутся Лу Пин и Чэнь Цзи, атмосфера в комнате станет невыносимо натянутой.

Убедив себя в безупречной логичности и справедливости своего порыва, Чжоу Цыбай принялся ковыряться палочками в тарелке и с наигранной небрежностью спросил:

— Да ничего особенного. Просто говорят, будто Хэ Чанчжи расстался с Цзянь Лин из-за тебя.

Гу Цзицин кивнул:

— Да, из-за меня.

—?

Палочки в руках Чжоу Цыбая замерли.

Цзицин поднял взгляд и совершенно спокойно, без тени смущения произнёс:

— Это правда. Они расстались именно потому, что я пришёл к Цзянь Лин.

Его взгляд был настолько чист и ясен, будто он не видел в содеянном ни малейшей вины.

Пальцы Цыбая, сжимавшие палочки, невольно побелели:

— Значит... ты с самого начала знал, что у него есть девушка?

Он и сам не мог бы объяснить, что чувствовал в эту минуту — внутри комом встало какое-то липкое, удушливое неприятное ощущение.

Гу Цзицин же, ничуть не смутившись, снова опустил глаза и принялся аккуратно отделять мясо от косточки:

— Угу, знал. Ещё на первом курсе, сразу после начала занятий, он приводил её на наш общий обед.

— И после этого ты... — Чжоу Цыбай хотел было сказать «всё равно флиртовал с ним», но вовремя осёкся, посчитав слово слишком грубым, и с ледяным видом перефразировал помягче:
— И после этого ты всё равно относился к нему с такой теплотой?

Цзицин не уловил скрытого подтекста.

— То, что я хорошо к нему относился, никак не связано с наличием у него девушки.

Для Гу Цзицина забота о людях была обыденной привычкой — точно так же он относился и к Брату Лу, и ко всем остальным.

Вот только в ушах Чжоу Цыбая это прозвучало совершенно иначе: * «То, что я флиртовал с Хэ Чанчжи, никак не зависит от того, есть у него девушка или нет».*

Чжоу Цыбай наконец не сдержался:

— Но тебе не кажется, что это проявляет полное неуважение к чужим чувствам?

«Неуважение?» — искренне не понял Цзицин.

Пусть забота и тёплое отношение к окружающим не требовали от него глубоких чувств, это вовсе не означало, что он не уважает чужую любовь. Или, по логике Цыбая, если он гей, то любое проявление доброты к парню автоматически превращается в неуважение?

— Но я ведь и к тебе отношусь неплохо, — Гу Цзицин чуть хлопнул ресницами, глядя на Чжоу Цыбая с чистым, недоумённым наивом. — По-твоему, я этим проявляю к тебе неуважение?

Перед глазами Чжоу Цыбая мгновенно всплыли воспоминания: как Цзицин аккуратно

перевязывал ему ногу, как подавал лекарства... и как от этих простых касаний предательски заходило его собственное сердце.

В итоге этот искренний вопрос показался Цыбаю двусмысленным, едким выпадом.

В памяти тут же всплыли слова, подслушанные на остановке: * «В конце концов, сгибать натуралов — моё главное мастерство. Одним Чжоу Цыбаем больше, одним меньше...»* На сердце у Цыбая мгновенно закипела едкая смесь обиды, разочарования и глухой ярости.

Одно дело — поиграть с чьими-то чувствами и бросить, но как можно растоптать чужие отношения и при этом с чистой совестью считать себя правым?!

Человек, лишённый базовых моральных ориентиров, ни за что не поймёт, какую ценность несут в себе верность и ответственность.

Вспомнив, как ещё недавно он защищал Цзицина в чате и даже мысленно сравнивал его со своей богиней, Чжоу Цыбай почувствовал себя последним дураком.

Он и сам не мог взять в толк, отчего судьба парня, с которым он знаком от силы два дня, вызывает у него такую бурю эмоций.

Однако безупречные манеры, которыми Цыбай всегда гордился, на сей раз дали сбой. С ледяной миной он процедил:

— Никакого неуважения. Я наелся. Посуду оставь, я сам вымою. И завтра не нужно обо мне печься.

С этими словами он отсел за свой стол и погрузился в мрачное молчание.

Гу Цзицин замер с зажатым в палочках рёбрышком и недоумённо изогнул бровь.

С чего вдруг эта вспышка?

Впрочем, ладно. Юношам в его возрасте свойственна эмоциональная нестабильность.

Цзицин не стал брать это в голову и спокойно, не торопясь, закончил обед.

Мыть посуду Цзицин ненавидел всей душой, поэтому, раз уж Чжоу Цыбай сам вызвался, мешать ему не стал. Покончив с трапезой, он умылся и забрался в постель.

Чжоу Цыбай же, закатав рукава и сдвинув брови, с предельным усердием вымыл розовый

термос.

А на кровати у стены Гу Цзицин под умиротворяющий шумок воды сладко погружался в сон.

Так что когда Цыбай вышел из умывальника, его взору предстала картина: Цзицин лежал, повернувшись к стене, свернувшись под одеялом в трогательный маленький комочек. Он не шуршал, не листал телефон — со стороны казалось, будто парень безутешно переживает какое-то глубокое горе.

Цыбай сжал кулак, но в итоге так ничего и не произнёс. Лишь аккуратно, волоча травмированную ногу, поднялся на свой ярус.

Этой ночью Чжоу Цыбай мучился редкой для него бессонницей.

В голове без остановки крутились мысли о Гу Цзицине.

В итоге, когда он наконец проснулся, утро уже полностью вступило в свои права.

Сев на кровати, он бросил взгляд на соседнее место. Постель была пуста. «Похоже, он и впрямь решил бросить меня на произвол судьбы», — подумал Цыбай, досадно взъерошил волосы и спустился вниз.

И тут же его взгляд упал на рабочий стол, где стоял розовый термос.

Рядом лежала записка, выведенная аккуратным, изящным почерком:

* «На улице снег, тебе тяжело ходить. Поешь горячей каши, выпей лекарство после еды и не забудь приложить лёд к лодыжке».*

От открытого термоса всё ещё поднимался лёгкий парок с ароматом сладкой каши.

Чжоу Цыбай застыл.

Внезапно он почувствовал себя самым неблагодарным, бессовестным мерзавцем на свете.

Но и переступить через себя, чтобы дружить с человеком, для которого верность и ответственность — пустой звук, он тоже не мог.

Поэтому после коротких колебаний он всё же закрыл крышку термоса и вызвал курьера с едой через приложение.

Чтобы курьеру не пришлось долго ждать, Цыбай, держась за перила, заранее спустился на первый этаж. Стоило ему присесть на скамейку у подъезда, как к нему ураганом подлетел Ван Цюань из соседней комнаты.

— Ты чего сам потащился? А где красавчик с естественных наук? — как бы между прочим поинтересовался тот.

Чжоу Цыбай опустил ресницы:

— Без понятия.

Ван Цюань, который ещё вчера вечером наблюдал, как эти двое трогательно поддерживают друг друга под локотки, озадаченно приподнял бровь:

«Это ещё что такое? Переругались, что ли?»

После недолгих раздумий до Ван Цюаня дошло:

— Вы что, из-за вчерашней разборки с Хэ Чанчжи сцепились?

— Нет. Просто я проспал, — сдержанно и безучастно открестился Цыбай, недолюбливавший выставлять личные переживания напоказ.

Ван Цюань с облегчением выдохнул:

— Ну и ладушки. А то я грешным делом подумал, ты взъелся из-за шуток в чате о том, будто ты из-за Цзицина с кем-то сошёлся в битве за сердце красавца. — Он вздохнул и качнул головой: — Хотя Гу Цзицину не позавидуешь. Намотался на него этот Хэ Чанчжи как банный лист. Если бы ты вчера не подоспел да не приструнил его, неизвестно, чем бы всё закончилось. Цзянь Лин вчера себе места не находила от волнения.

Чжоу Цыбай уже собирался скомкать разговор, но при последних словах мгновенно вскинул голову:

— Цзянь Лин переживала за Гу Цзицина?

— Ну да, — как об очевидном отозвался Ван Цюань. — Боялась, как бы этот расчётливый ублюдок Хэ Чанчжи сдуру чего не натворил.

— Нет, ты не понял. С какой стати Цзянь Лин вообще переживать за Цзицина? — В голосе и взгляде Цыбая прорезались нетипичные для него пыл и нетерпение.

Лишь тут Ван Цюань сообразил, что собеседник пребывает в полном неведении:

— Мать твою! Ты что, реально ничего не знаешь? Гу Цзицин тебе не рассказывал? Да этот Хэ Чанчжи — скрытый гей, корчивший из себя натурала! Если бы Цзицин вовремя не явился к Цзянь Лин и не раскрыл ей глаза, бедняжку бы тупо обманули и затащили под венец. Так что они с Цзицином теперь в отличных отношениях.

— Ты уверен? — спросил Чжоу Цыбай, не замечая, как предательски дрогнул его голос.

Ван Цюань убеждённо кивнул:

— Стопудово! Моя благоверная — лучшая подруга Цзянь Лин, она нам обоим всё из первых уст выложила.

У Цыбая сжалось сердце:

— Но почему тогда пошли такие сплетни?

— А сам как думаешь? Чтобы девчонке жизнь не ломать, — Ван Цюань плюхнулся на скамью рядом с ним. — Суди сам: если Хэ Чанчжи — гей с рождения, то кем оказывается Цзянь Лин, которая встречалась с ним со школы и замуж собиралась? Каким дерьмом её бы закидали кумушки? А так получается, будто он сподобился «согнуться» уже после разрыва с ней. Все ушаты негатива перелетели на Гу Цзицина, зато девчонку почти не трогают.

— Причём Цзицин сам попросил Цзянь Лин ничего никому не объяснять! Если бы вчера вечером Цзянь Лин в панике не стала выпытывать у меня, что стряслось, мы с моей вообще бы не узнали эту историю. — Ван Цюань снова тяжело вздохнул: — Слушай, а красавчик-то наш хоть и выглядит утончённо, как девчонка, а поступает реально по-мужски. Скинь мне потом его Вэйсинь, надо хоть познакомиться с нормальным пацаном.

— Он просто красивый. Перестань сравнивать его с девчонкой, это нетактично, — отрезал Чжоу Цыбай без тени дружелюбия.

Получивший на пустом месте отповедь Ван Цюань обомлел:

«?»

Он же вроде похвалил человека, нет?

Впрочем, Чжоу Цыбаю было совершенно не до логических выкладок друга. Все его мысли занимал Гу Цзицин.

Значит... Цзицин никого не сгибал. И уж тем более не рушил чужую любовь. Узнав, что Хэ Чанчжи на него заглядывается, он лишь честно открыл девушке глаза, а потом, спасая её от злых языков, сознательно взял весь удар на себя.

Цыбай сидел на скамье, широко расставив ноги и накренившись вперёд. Его пальцы, сцепленные на коленях, сжались с такой силой, что костяшки побелели.

Как... как он мог вести себя так глупо и вспыльчиво, словно незрелый подросток? Не разобравшись в ситуации, сгоряча наделать выводов и устроить сцену!

Единственным правильным выходом казалось искреннее, прямое прошение о прощении.

Вот только будь на месте Цзицина Лу Пин, Чэнь Цзи или любой другой парень, можно было бы замять дело за пару минут: выложить всё начистоту, сбросить пар на баскетбольной площадке, а вечером завалиться в шашлычную за пивом.

Но разве Гу Цзицин похож на этих неотёсанных дуболомов?

У него ведь такая хрупкая, чувствительная натура. Когда ему больно или обидно, он замкнётся в себе и не проронит ни слова.

Вспомнив, как вчера Гу Цзицин, сжавшись в комок под одеялом, тихонько лежал у стены, Чжоу Цыбай так сжал пальцы, что руки окончательно побледнели.

Наконец Ван Цюань, заметив неестественный вид товарища, поинтересовался:

— Слышь, ты чего сам не свой?

Чжоу Цыбай едва не ответил традиционным «ничего», но тут до него дошло: девушка Ван Цюаня учится в Институте искусств. А ведь творческие натуры наверняка тонкие, ранимые и чувствительные...

Повисла пауза.

— Это... — со скрытым неловким смущением проговорил Цыбай. — Если... ну, чисто гипотетически... ты оплошал и задел свою девушку, как ты обычно заглаживаешь вину?

Ван Цюань опешил:

«?»

Девушка? Откуда у Чжоу Цыбая взялась девушка?! И с какого перепугу они вообще перескочили на эту тему?!

Но не успел он переварить услышанное, как сидевший рядом Чжоу Цыбай, секунду назад утопавший в терзаниях совести, неожиданно подскочил на ноги.

От этой огромной фигуры под метр девяносто Ван Цюань вздрогнул всем телом:

— Ой, мамочки! Ты чего вскочил-то? Призрака увидел?

Он машинально повернулся вслед за его взглядом.

Сквозь тихо кружащиеся хлопья первого пекинского снега к ним неспешно приближался Гу Цзицин. В белом пуховике, укутанный в ярко-жёлтый шарф, он держал над собой зонт.

Белоснежная, свежая и изящная красота его лица в обрамлении сочной жёлтой ткани напоминала распутившийся нарцисс.

Красивый, слова нет. Но не настолько же, чтобы натурал подпрыгивал, словно ужаленный?

Ван Цюань с недоумением перевёл взгляд на друга.

И тут же обомлел. Чжоу Цыбай вытянулся по стойке «смирно», плотно сжав губы. Его руки повисли вдоль тела так скованно, словно их только что пристегнули вместо протезов, а напряжённый взгляд был намертво прикован к Гу Цзицину. Вся его фигура буквально источала смущение, нескрываемое трепетное ожидание и глубочайшую тревогу.

Эта поза, этот умоляющий взгляд показались Ван Цюаню до боли знакомыми.

А когда Цзицин, подойдя ближе, сложил зонт и удивлённо окликнул его по имени, Чжоу Цыбай струной выпрямился ещё сильнее.

На секунду Ван Цюаню в галлюцинаторном бреду показалось, будто из-за спины Цыбая с нервным шуршанием выскочил и взвился трубой пышный хвост.

«...»

И тут в голове Ван Цюаня что-то щёлкнуло.

Он молча выудил из кармана телефон, нашёл видео с собственным самоедом, которого на днях провинившимся заперли на балконе, и поднял экран на уровень лица Чжоу Цыбая.

Минута и двадцать восемь секунд.

Полное совпадение.

И в голове Ван Цюаня вспыхнули ёмкие слова:

«Один в один, точь-в-точь!»

<http://bllate.org/book/20143/1992104>